

и коллективность самосуда. Он происходит «среди бела дня» и творится в присутствии десятков, а то и сотен свидетелей и участников. Несомненно, при осуществлении самосуда для его вершителей очень важно выступать как члены коллектива и от имени коллектива» [Назаренко, 2018, с. 281]. Согласимся, что это важный показатель, позволяющий классифицировать расправу как самосуд. Но часть убийств в ходе севастопольских самосудов в феврале 1918 г. под этот критерий не попадают (например, гибель контр-адмирала Н. А. Сакса и его семьи).

Подводя итоги, скажем, что использование научных подходов позволяют анализировать такую сложную тему, как революционное насилие в вооруженных силах. С первого взгляда эти события могут показаться лишенным смысла кровавым хаосом, однако при внимательном изучении становятся понятны причины, логика и сценарии развития событий, истинный масштаб погибших в этой трагедии.

Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин: Изд. загранич. делегации П. С. Р., 1922.

Кришевский Н. В Крыму (1916–1918 гг.) // Архив русской революции. В 22-х т. Т. 13. М., Терра, 1992. С. 71–124.

Назаренко К. Б. Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., Яуза, 2018.

Саберов Ф. К., Тетеря Л. Т. Трагическая судьба флотского офицера. Штрихи к портрету генерал-майора Г. Н. Мазурова // Елагинские чтения. Вып. 8. СПб.: РГА ВМФ, 2016. С. 155–134.

Смолин А. В. Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012.

УДК 94:37(470.5).063/065:37

А. М. Сафронова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВОЙ ШКОЛЫ ПРИ КУШВИНСКОМ ЗАВОДЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ГОРНЫХ ВЛАСТЕЙ (1739–1745 гг.)

При Кушвинском заводе, пущенном в строй в 1739 г., вопрос об открытии школы был поставлен конторой завода еще в период строительства, в 1737 г. Школа была открыта с санкции Канцелярии Главного заводов правления от 24 февраля 1739 г., ссыльный Василий Прасолов стал

обучать детей Кушвинского и Таборинского заводов, но по указу Анны Иоанновны от 27 марта этого же года заводы были переданы в собственность главы Генерал-берг-директориума К. фон Шемберга, и с мая находились в ведении Благодатской горной экспедиции, разместившейся на Туринском заводе. Указом Елизаветы Петровны от 7 апреля 1742 г. их вернули в казну. Школа продолжала действовать в течение трех лет нахождения заводов в частных руках, в нее принимались новые ученики, но после возвращения заводов в казну с января 1743 г. учитель перестал получать жалованье, добился его выдачи по август от местной конторы, затем продолжал работать без оплаты своего труда по 25 января 1745 г. Уральское начальство пыталось закрыть школу. Контора, чтобы сохранить ее, провела перепись детей при Кушвинском и Туринском заводах, выявила 42 детей школьного возраста, просила о присылке книг для них, но начальство в апреле 1745 г. приказало школу закрыть. Только путем подачи прошений Прасолов добился оплаты своего труда через год после прекращения работы в качестве учителя, 31 января 1746 г. На примере Кушвинской школы мы имеем дело с беспрецедентным случаем в истории горнозаводских школ, ярко отражающем различные позиции властей в отношении обучения детей: уральского начальства, Благодатской экспедиции и управляющих конторой Кушвинского завода, а также позицию учителя, ссыльного Прасолова, обучавшего детей бесплатно, но добившегося вознаграждения.

Ключевые слова: Канцелярия Главного заводов правления, Благодатская горная экспедиция, заводская контора, горнозаводские школы, Кушвинский, Таборинский заводы, учитель-ссыльный, оплата труда.

Открытие в 1735 г. богатого месторождения магнитного железа на горе Благодать, закрепленного за казной, послужило причиной строительства близ него нескольких заводов. Уже осенью в трех верстах от рудника В. Н. Татищев начал строить плотину Кушвинского чугуноплавильного завода. В 1736 г. в девяти верстах от этого завода начали строить Туринский завод для переработки чугуна, выплавляемого на Кушве, в железо. В 1739 г. оба предприятия были пущены в строй [Металлургические заводы..., 2001, с. 134, 172–173.]

В феврале 1737 г. управитель Кушвинской заводской конторы Леонтий Бекетов в доношении уральскому начальству поднял вопрос об отправке детей с этого строящегося завода для обучения в Екатеринбург: «имеются при Кушвинском заводе горных служителей дети, которые годами свыше семи лет, оных не повелено ль будет прислать в оную Канцелярию для определения в школу» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 692, с. 169]. Справка, наведенная по приказу уральского начальства, гласила: «школы и учителя ныне еще не имеется, токмо по штату

сего года словесной школе велено быть», на ее содержание выделено 30 руб. в год [Там же, с. 170]. Прошел почти год, и 23 декабря 1737 г. начальство приказало: прислать роспись о детях, годных в школу, указав их возраст, происхождение, на ее основе выяснить, не положены ли они в подушный оклад [Там же].

На Кушве оказалось лишь четверо детей школьного возраста от 6 до 16 лет. При этом Бекетов опять проявил инициативу, включив в список и пятерых детей молотовых мастеров и подмастерьев, обучавшихся ранее в Уктусской школе и переведенных с отцами на Туринский завод, отметив, что при отцах «живут втуне» [Там же, д. 760, с. 88–89]. 25 февраля 1738 г. уральское начальство постановило: детей «собрать и при Кушвинском заводе обучать словесному и писать тамошнему попу, а за те ево труды плата достойная имеет быть учинена ис казны Е. и. в.», а школьникам «до указа дачею жалованье обождать», учебные книги «послать из наличных» Екатеринбург. То есть вопрос оплаты труда учителя, жалованья школьникам решен не был. Вместе с тем указом выслано было по 6 экземпляров букварей с десятисловием и часословов, псалтири обещали выслать, как выйдут из починки [Там же, с. 90, 93–94].

Дальнейшие действия в отношении школы на Кушве выясняются из заведенного в Канцелярии в 1744 г. дела «Об учителе словесной школы по требованию Кушвинской заводской канторы и о школьниках тамошних» [Там же, д. 1128, л. 17–46]. Дело возникло в связи с прекращением оплаты труда учителя после возвращения заводов в казну и настойчивых требований учителя о его выплате. Из выписок по делу и подлинных документов, подшитых в нем, выясняется следующее. Попа на Кушве не оказалось, прошел почти год, в декабре 1738 г. Кушвинская контора снова подняла вопрос о школе, сообщила в Екатеринбург, что учителем пожелал стать ссыльный, осужденный навечно, Василий Васильев. Он подал доношение в контору: был прислан на Кушву в июле 1737 г., во время работы ему переломило правую ногу, «в пропитании имеет немалую нужду, а при Кушвинском заводе у обывателей имеются малолетные дети, которых желает он словесной грамоте обучать...и просил определить» учителем, к тому же книги уже присланы [Там же, л. 25]. По сути, подачей прошения ссыльный невольно подтолкнул открытие школы при строящемся заводе.

Указом Канцелярии в январе 1739 г. Васильев был вызван в Екатеринбург для свидетельства, годен ли в учителя. Свидетельствовал его учитель арифметической школы Федор Санников «в словесной школе», объявил, что он «читать и писать умеет и здешняго словес-

наго обучающего учителя не хуже, и учителем у детей быть ему можно». 24 февраля 1739 г. уральское начальство назначило Васильева учителем с жалованьем 12 руб. в год (так стали получать по штатам 1737 г. все учителя словесных школ) и снова предписало «немедленно» выслать книги, на первый случай от екатеринбургских школ. При этом начальство указало и охват территории школьным обучением: «велеть на Кушвинском заводе как того, так и других заводов мастеровских и других (и каких по указом обучать надлежит) детей словесному и писать обучать» [Там же]. Таким образом, в школе должны были учиться дети с двух заводов: Кушвинского и Туринского.

Выписки по делу раскрывают биографию учителя. Он, Василий, Васильев сын, Прасолов, сказкой в конторе показал:

«...Из отставных салдат, в салдаты был взят из шляхетства, в сылку прислан с наказанием кнутом, ноздри целы, по делу с капитаном Урусовым в обидах и разорении крестьян ево, ... сослан он в 1734 году из Москвы из Розыскаго приказу в Тобольск, а из Тобольска взят на Колыванские Демидова заводы, и ис Колывана взят в Екатеринбург в 1736 году по некоторому делу и по решению дела послан в 1737 году на Кушвинской завод в работу» [Там же, 26 об.].

Но едва школа открылась, и учитель приступил к обучению детей, как 9 мая 1739 г. на Урал пришел указ Анны Иоанновны от 27 марта о передаче Кушвинского и Туринского заводов вместе с рудниками, работниками, приписными крестьянами в собственность главе Генерал-берг-директориума Курту фон Шембергу [Там же]. В мае же месяце на Урал прибыли его поверенные – актариус К. Фогт и обер-комиссар В. Бланкентаген. К октябрю 1739 г. была сформирована Благодатская горная экспедиция, разместившаяся на Туринском заводе [Корепанов, 2001, с. 114–115]. Почти три года заводы находились в частных руках, но указом Елизаветы Петровны от 7 апреля 1742 г. их вернули в казну [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1128, л. 25 – 25 об.]. Кампания по возвращению заводов под контроль Канцелярии Главного заводов правления растянулась до 1745 г.

Поскольку в 1743 г. учитель Васильев стал требовать выплаты ему жалованья с января, значит, пока заводы находились в собственности Шемберга и управлялись экспедицией, и в переходный период школа продолжала действовать и труд учителя оплачивался по декабрь 1742 г. Мы имеем единичные сведения о школе за 1739–1742 гг. После возвращения заводов в казну в январе 1744 г. Кушвинская контора прислала ведомость о школьниках за третью треть 1743 г. [Там же, л. 23]. Их числилось всего шесть человек, но сравнение их фами-

лий с фамилиями детей, подлежавших зачислению в 1739 г. показывает, что те уже обучились грамоте. Это была новая партия учащихся от 10 до 15 лет, пятеро из них поступили к учению 2 октября 1741 г., один – 2 января 1742 г. Ясно, что в период нахождения заводов в частных руках наборы учащихся в школу продолжались. Ученики из этой второй партии уже читали и писали слова.

Есть еще один любопытный документ. 30 июля 1741 г. уральское начальство слушало доношение актариуса Фогта «с товарищы» от 16 июня, при котором был возвращен в Екатеринбург гранильщик Матвей Несенцов «и с ним для обучения от него здесь гранильному делу, словесному, писать, арифметики и части от рисования ученик Михайло Федоров, и о даче ему жалованья против протчих таких же учеников на счет Гороблагодатских заводов». Начальство решило: «Несенцову быть, где до сего был определен с прежним жалованьем, и ученика гранению камней между положенным на Несенцова делом [обучать], и в школах учителем показанным наукам ево обучать...» [Там же, д. 907. с. 251]. Таким образом, мы получаем сведения еще об одном ученике Кушвинской школы, принятым в годы частного управления заводом – Михаиле Федорове, более того, о направлении его на учебу в школы Екатеринбурга и обучении параллельно гранильному промыслу у Несенцова – выпускника Екатеринбургской арифметической школы, обученного в свое время шведским мастером Рефом.

В феврале 1744 г. члены Канцелярии потребовали составить справку о ссыльном учителе Кушвинской школы, и выяснить, делалось ли о нем ранее представление от конторы. Оказалось, что представление было получено в Екатеринбурге 21 мая 1743 г., но никакого решения на него не последовало [Там же, д. 1128, л. 18 – 18 об.]. Контора докладывала, что в школе по-прежнему трудится ссыльный Васильев, учащихся у него семь человек, все на родительском пропитании, «и при обучении такого малого числа учеников быть ему не у чего». При этом сообщалось, что по переписи при Кушвинском и Туринском заводах детей, годных в школу, набралось уже 42 человека, но контора без указа Канцелярии определить их в школу не может и требовала прислать для них дополнительно азбук 27, часословов 26, псалтирей 20; запрашивала, если давать им жалованье, то по сколько в месяц [Там же, л. 19]. Таким образом, Кушвинская контора после возврата заводов в казну выступила с инициативой расширения круга обучаемых детей, проведения дополнительного их набора. С пуском заводов в строй число мастеровых людей при них увеличилось, возросло и количество детей школьного возраста.

Вторым доношением от 31 октября 1743 г. глава конторы Алексей Памфилов сообщал, что в сентябре 1743 г. Васильев подал прошение о выдаче ему жалованья за две трети 1743 г. (с января по август), поскольку у обучения находился «безотлучно». 17 октября учителю жалованье в сумме 8 руб. было выдано. Контора навела справки, по штату казенных заводов 1737 г. школе при заводе полагалось быть с содержанием по 30 руб. в год, а обучалось тогда только шесть человек. Дополнительно сообщалось, что 9 февраля 1743 г. контора приняла решение, что учителю при таком малом числе учеников быть незачем, и следует переписать всех детей, годных в школу. Таким образом, выяснилось, что перепись детей Кушвинская контора провела по собственной инициативе. А. Памфилов снова запрашивал Канцелярию: «повелено ль будет» набрать новых учеников» или Васильеву «ныне за малостию учеников от школы отказать»? [Там же, л. 20–21]. И на это доношение уральское начальство не отреагировало, отмолчалось.

Прасолов же продолжал обучать детей. В 1744 г. дважды обращался в контору о выдаче жалованья – в феврале и мае, за третью треть 1743 г. и за первую треть 1744, а в июне доношение отправил уже в Екатеринбург, в Канцелярию Главного заводов правления. Только 9 апреля 1745 г., по прошествии девяти месяцев, Канцелярия соизволила вынести определение: «школе при Кушвинском заводе не быть, детей меньше 15 лет отправить к отцам, а 15-летних распределить к ремеслам, кроме подьяческих; Просолова внести в список с другими ссыльными для определения его судьбы Берг-коллегией [Там же, л. 24, 30 об.]

23 апреля 1745 г. учитель снова доносит Канцелярии, что она не упомянула о его жалованье, а в августе 1744 г., по ее указу ему был дан для обучения сын отставного горного ученика Елизар Бабилов, причем с назначением казенного жалованья, которого он обучал по 25 января 1745 г. В этот день он ожидал, что получит жалованье за год и еще треть года, но напрасно. Его терпение иссякло, и Прасолов с паспортом на срок был отпущен в Екатеринбург. Он сообщает в доношении, что «в надежде того жалованья» для пропитания себя забрал из казенного магазина хлеба рублей на пять, «да и партикулярно многим людям задолжал за браной хлеб, и долги, чем заплатить, ныне не имею» [Там же, л. 35–36].

По прошествии почти четырех месяцев, 14 августа 1745 г., по этому прошению Канцелярия приняла, наконец, решение: в выплате жалованья учителю отказать, так как школа была возрождена незаконно; Васильев, если хочет, пусть судится с виновными [Там же, л. 40]. И учитель 1 ноября подал доношение в Канцелярию на гиттенферваль-

тера Панфила Алексеева, но тот отказался признать себя виновным: как управитель завода о школе он начальству сообщал, только ответа не получал [Там же, 49 – 49 об.]. Только 31 января 1746 г. Канцелярия Главного заводов правления вынуждена была предписать: жалованье Васильеву с 1 сентября 1743 г. по 25 января 1745 г. по 12-рублевому окладу выдать от Екатеринбургской казенной конторы и поставить на счет Кушвинского завода – 16 руб. 77 $\frac{1}{4}$ коп. [Там же, л. 44 – 44 об.].

Таким образом, Кушвинская школа действовала на протяжении почти шести лет, с весны 1739 г. по январь 1745 г., в ней обучились грамоте по меньшей мере 16 детей, могли бы еще 42 человека овладеть чтением и письмом, если бы уральское начальство дало на это согласие. На примере этой школы мы видим, как активно, проявляя инициативу, действовали главы Кушвинской заводской конторы – Леонтий Булгаков, Панфил Алексеев – по сравнению с уральским начальством – Канцелярией Главного заводов правления, которая реагировала на их доношения с задержкой до полугода или отмалчивалась, когда нужно было решить важный вопрос – продолжать работу школы при условии набора в нее 42 подросших к обучению детей или закрыть ее из-за малого числа учащихся.

При этом уральское начальство полностью игнорировало интересы учителя-ссылного, который после передачи заводов в казну, с января 1743 г. на протяжении более двух лет трудился, получая плату лишь дважды, путем подачи настойчивых прошений, и сумел получить окончательную сумму лишь через год после прекращения своей деятельности в качестве учителя. На примере его жизни мы видим, что оставаясь без денег на протяжении длительного времени, он вызывал сочувствие и получал материальную поддержку от населения, рядовых жителей завода. Это и помогло ему выживать.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Уральское горное управление.

Корепанов Н. С. Благодатская горная экспедиция 1739–1742 гг. и волна контрактной иммиграции саксонцев на Урал // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.) : материалы науч. конф. «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.», 3–9 сент. 1999 г. Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2001. С. 112–118.

Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. : энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2001.